

ВВОДНЫЕ И ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ М.И.ЦВЕТАЕВОЙ

Зухриддинова Хилола Шавкатжон кизи

Студентка 3-курса факультета филологии Ферганского государственного университета. город Фергана, Узбекистан.

Аннотация: *В данной научной статье рассматриваются более глубокое понимания специфики поэтического стиля Марины Ивановны Цветаевой. Анализ вводных и вставных конструкций в её стихотворениях позволит выявить особенности её поэтической манеры, использование языковых средств для создания эмоциональной и смысловой насыщенности текста, а также выявить связь между структурными элементами и художественным выражением её мировоззрения и тематики. Такой анализ поможет расширить наше представление о творчестве Цветаевой, а также пролить свет на важные аспекты её поэтики, которые могут быть полезны для дальнейших исследований в области литературоведения и стилистики.*

Ключевые слова: *Мария Цветаева, вводные и вставные конструкции, анализ, специфика, стиль, стихотворение, аспекты поэтики.*

Annotation: *This scientific article examines a deeper understanding of the specifics of the poetic style of Marina Ivanovna Tsvetaeva. The analysis of introductory and insertion constructions in her poems will reveal the features of her poetic manner, the use of linguistic means to create emotional and semantic saturation of the text, as well as to identify the connection between structural elements and the artistic expression of her worldview and themes. Such an analysis will help expand our understanding of Tsvetaeva's work, as well as shed light on important aspects of her poetics that may be useful for further research in the field of literary criticism and stylistics.*

Keywords: *Maria Tsvetaeva, introductory and insertion constructions, analysis, specificity, style, poem, aspects of poetics.*

Цветаеву-поэта не спутаешь ни с кем другим. Стихи ее узнаешь безошибочно по особому распеву, неповторимым ритмам, необщей интонации.

Если существуют поэты, воспринимающие мир посредством зрения, умеющие смотреть, закреплять увиденное в зрительных образах, то Марина была не из их числа. Мир открывался ей не в красках, а в звучаниях. «Когда вместо желанного, предрешенного, почти приказанного сына Александра родилась я, мать, самолюбиво проглотив вздох, сказала: «По крайней мере, будет музыкантша». Музыкальное начало было очень сильным в творчестве Цветаевой. В ее поэзии нет и следа покоя, умиротворенности, созерцательности. Она вся – в буре, в вихревом движении, в действии и поступке. Более того, ей было свойственно романтическое о творчестве как о бурном порыве,

захватывающем художника, ураганном ветре, уносящем его. Откроешь любую книгу – сразу погружаешься в ее стихию – в атмосферу душевного горения, безмерности чувств, постоянного ухода от нормы, драматического конфликта и противоборства с окружающим миром.

Вечная и самая дорогая Цветаевой тема – свобода и своеволие не знающей меры души. Она дорожит и любит эту прекрасную, окрыляющую свободу:

Не разведенная чувством меры –

Вера! Аврора! Души – лазурь!

Дура – душа, но какое Перу

Не уступалось – души за дурь?

Свободна сама поэзия Цветаевой. Ее слово всегда свежее, не затертое, прямое, конкретное, не содержащее посторонних смыслов. Такое слово передает жест не только душевный, но и физический; оно, всегда ударное, выделенное, интонационно подчеркнутое, сильно повышает эмоциональный накал и драматическое напряжение речи: «Нате! Рвите! Смотрите! Течет, не так ли? Заготовливайте чан!»

Но главным средством организации стиха был для Цветаевой ритм. Это – сама суть, сама душа ее поэзии. В этой области она явилась и осталась смелым новатором, щедро обогатившим поэзию XX века множеством великолепных находок. Она беспощадно ломала течение привычных для слуха ритмов, разрушала гладкую, плавную мелодию поэтической речи. Ритмика Цветаевой постоянностораживает, держит в оцепенении. Ее голос в поэзии – страстный и сбивчивый нервный монолог, стих прерывист, неровен, полон ускорений и замедлений, насыщен паузами и перебоями.

В своем стихосложении Цветаева вплотную приблизилась к ритмике Маяковского:

Опрокинутыми...

Нот, планет –

Ливнем!

– Вывезет!!!

Конец... На-нет...

По словам Марины, это – как «физическое сердцебиение – удары сердца – застоявшегося коня или связанного человека».

Поэзия Марины Цветаевой немелодична, ненапевна, дисгармонична. Наоборот, она вобрала в себя рокот волн, раскаты грома и крик, затерявшийся в арии морского шторма. Цветаева восклицала: «Я не верю стихам, которые льются. Рвутся – да!». Она умела рвать стих, дробить на мелкие части, «разметать в прах и хлам». Единица ее речи не фраза и не слово, а слог. Цветаевой свойственно расчленение стихотворной речи: слово деление и слогаделение:

В Россию – вас, в Россию – масс,

В наш-час – страну! в сей-час – страну!

В на-Марс – страну! в без-нас – страну!

Особую роль в системе средств выразительности Цветаевой играет пауза. Пауза – это тоже полноправный элемент ритма. В противовес привычной постановке пауз на конец строки у Цветаевой они смещены, сплошь и рядом приходится на середину строки или на следующую строфу. Поэтому стремительный стих поэта спотыкается, обрывается, поднимается:

Двадцать лет свободы –

Всем. Огня и дома –

Всем. Игры, науки –

Всем. Труда – любому,

Лишь бы были руки.

Синтаксис и интонация как бы стирают рифму. И дело здесь в стремлении Цветаевой говорить цельно и точно, не жертвуя смыслом. Если мысль не вмещается в строку, необходимо либо «досказать» ее, либо оборваться на полуслове, забывая о рифме. Коль мысль уже оформлена, образ создан, заканчивать стих ради полноты размера и соблюдения рифмы поэт считает излишним:

Не чужая! Твоя! Моя!

Всех как есть обнесла за ужином!

- Долгой жизни, Любовь моя!

Изменяю для новой суженой...

На марш –

Цветаева всегда хотела добиться максимума выразительности при минимуме средств. В этих целях она предельно сжимала, уплотняла свою речь, жертвовала эпитетами, прилагательными, предлогами, другими пояснениями, строила неполные предложения:

Все великолепье –

Труб – лишь только лепет

Трав – перед тобой.

Марина Цветаева – большой поэт, ее вклад в культуру русского стиха XX века значителен. Судорожные и вместе с тем стремительные ритмы Цветаевой – это ритмы XX века, эпохи величайших социальных катаклизмов и грандиозных революционных битв.

Отношение говорящего к содержанию высказывания, его оценка высказанного могут быть переданы не только вводными словами, но и сочетаниями слов, относящимися и к отдельным членам предложения, и ко всему предложению в целом.

Функционально – семантический круг вводных конструкций в лирике М. Цветаевой не очень широк и включает не все возможные значения вводных единиц.

1) Компоненты, выражающие различную степень достоверности сообщения (уверенность, неуверенность, возможность и т. п.) составляют более 40 % всех вводных конструкций в текстах М.И. Цветаевой: “может быть” и “быть может”; “кажется”; “видно”; “поди”; “знать”; “помнится”; “мнится”; “дабы”.

2) Вводные слова, представляющие собой обращение говорящего к собеседнику составляют в лирике М.И. Цветаевой 37 %: “не правда ли”; “слышите”; “помните”; “послушайте”; “посмотрим”; “простите”; “скажите”; “гляди”; “вспомни”; “поглядите”; “знаешь”.

3) Вводные конструкции, указывающие на связь мыслей, последовательность их изложения, составляют в лирике М.И. Цветаевой 9 % от общего числа: “наконец”; “итак”; “впрочем”; “значит”.

4) Вводные слова, указывающие на источник сообщения, составляют в лирике М.И. Цветаевой 8 %: “говорят”.

5) Лишь в трех случаях встречаются вводные слова, выражающие эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания: “к счастью”.

6) Вводные слова, показывающие степень обычности того, о чем говорится; вводные слова, указывающие на приемы и способы оформления мыслей; вводные слова, выражающие экспрессивность высказывания, а также вводные слова, указывающие на оценку меры того, о чем говорится – М.И. Цветаева в изучаемых нами текстах не использовала.

По структуре вводным может быть слово, словосочетание и предложение.

1) Предложения с вводными компонентами, оценивающими содержание речи и выраженными словами, которые соотносятся:

а) с категорией состояния:

“видно”

А глаза, глаза на лице твоём!

Два обугленных прошлогодних круга!

Видно, отроком – в невеселый дом

Завела подруга.

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.

Видно, пока надо мной не пропоют литию,

Буду грешить – как грешу – как грешила: со страстью!

б) с именами существительными:

“не правда ли”

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.

- Уж поздно! – Мама, десять строк!.. –
Но, к счастью, мама забывала.

в) с глаголами в безличной форме:
“кажется”

В утренний сонный час,
- Кажется, четверть пятого, –
я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели
Колокола.
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет, –

“мнится”
Вы слишком многих, мнится, целовали.
Отсюда – грусть.

“говорят” (спрягаемая форма)
Ведь это, милые, у нас
Червонец – милюковцу:
«Владимир Маяковский? Да-с
Бас, говорят, и в кофте
Ходил...»
Настанет день – печальный, говорят!

И спал ...
Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуется, а ждут
Незнаемого.

г) с вводным словом “итак”, потерявшим связь с частью речи, из которой образовалось:

Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...

Утоли мою душу: итак, утоли уста.

Я наездница тоже! Итак, с высоты груди,
С рокового двухолмия – в пропасть твоей груди!

д) с наречиями

“впрочем”

Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

И сердце добросовестно, – а впрочем,
Не всем уж умирать в постели

А впрочем – что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя...

А впрочем – не бритва –
Сработано чисто ...

А впрочем – что ему с холма –
Как звать такую малость?

“наконец”

Дай понять мне, Христос, что не только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

е) модальными словами, образованными из глагольных форм:

«знать»

Знать, уж делать нечего,
Отошел от ее от плечика

Мать всплачет: «Год три месяца,
А уж, гляди, как зол!»
А я скажу: «Пусть бесится!
Знать, в бабушку пошел!»

Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!»

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!

«пожалуй»

- Сколько у тебя дружочков?
Целый двор, пожалуй?
- после кройки лоскуточков,
Прости, не считала.

«поди»

А восприемников за душой –
Цельный, поди, монастырь мужской!

- Скольких перепричищала?
Поди, целый рынок?
- А на шали бахроминок,
Прости, не считала.

2) Предложения с вводными компонентами, оценивающими содержание речи и выраженными словосочетаниями глагольного типа.

“быть может”

Как в землю положен,
Быть может, – проспишь до трубы

Это – кто знает? – не знаю, – быть может, –
должно быть –
Мне загоститься не дать на российской земле!

Быть может, я в тот черный день
Очнусь – белей тебя!

Где осиянные останки?
Волна соленая, – ответь!
Простоволосой лесбиянки,
Быть может, вытянула сеть?

Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

Быть может – от плеча,
Протиснутого лбом.

Быть может – от луча,
Невидимого днем.

“может быть”
А может быть, снова
Пришел, – в колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром – труды.

И, может быть, вы бы даже меня не любили...

На стенах..
Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?

На урну ...
Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?

Мне все – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее ...

“стало быть”
Было, стало быть, сердце,
Коль выстрелу следом – стоп.

- Так, стало быть, пожил?
- Пасс в нек’тором роде.

А впрочем – не бритва –
Сработано чисто.
Так, стало быть, бита
Картишка? – Сочится.

“может статься”
Не гляди, что слезы льются:
Вода – может статься!
Раз сугробы подаются –
Пора расставаться!

“должно быть”

Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила.
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.

Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно быть –
Мне загоститься не дать на российской земле!

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Упирался он в твое окошко, –
Оттого, должно быть, я пришла...

3) Вводные предложения, составляющие менее 5 % от всех вводных конструкций в текстах М.И. Цветаевой, по структуре представлены обычно односоставными безличными:

О, как мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

Таким образом, рассмотрев функционально-семантический круг вводных конструкций в лирике М. Цветаевой, мы видим, что он не очень широк и включает не все возможные значения вводных единиц.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Ahmadalievich, Topvoldiyev Kazbek. "ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ВОСТОКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА." *Новости образования: исследование в XXI веке* 1.6 (2023): 1181-1186.

2. Ahmadalievich, Topvoldiyev Kazbek. "РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «УСЛОВНОГО» ВОСТОКА В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СА ЕСЕНИНА." *MODELS AND METHODS FOR INCREASING THE EFFICIENCY OF INNOVATIVE RESEARCH* 2.19 (2023): 207-212.

3. Akhmadalievich, Topvoldiev Kazbek. "Ivan Bunin's Orientalism." *Central Asian Journal of Theoretical and Applied Science* 2.4 (2021): 1-10.

4. Булгакова Е. С. Дневник. 1933-1940 // Воспоминания о Михаиле Булгакове: Е. С. Булгакова, Т. Н. Лаппа, Л. Е. Белозерская. М.: АСТ; Астрель, 2006. С. 13-294.
5. Метц К. Зеркала в кино // Киноведческие записки. 1992. № 3. Минц З. Г. Поэтика русской символики. СПб.: Искусство - СПб, 2004. 480 с.
6. Нинов, А. О драматургии и театре Михаила Булгакова / А. Нинов // Вопросы литературы. - 1986 - №9. - С. 84-111
7. TOPVOLDIEV, K. "Orientalism in Pushkin's cycle" Imitations of the Koran". Scientific journal of the Fergana State University 1.4 (2018): 62-65.
8. Topvoldiev, Kazbek. "USE OF ORIENTALISM IN LITERATURE AS RECEPTION OF IMITATION OF THE EASTERN WORLD." Конференции. 2020.
9. Tairovna, I. Z. (2024). LINGUISTIC INTENSIFIERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SEMANTIC SEGMENT OF THE XXI CENTURY. JOURNAL OF LANGUAGE AND LINGUISTICS, 7(1), 24-29.
10. Исаева, З., & Икбалжанова, С. (2024). СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА. Евразийский журнал академических исследований, 4(3), 157-161.
11. Rakhmanovna, P. O., & Tairovna, I. Z. (2023). INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES TYPES. Scientific Impulse, 1(10), 950-955.
12. Исаева, З. Т. (2023). АНТРОПОЦЕНТРИЗМ-НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА В «АКТИВНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ». GOLDEN BRAIN, 1(9), 156-162.
13. Исаева, З. Т. (2023). СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА КАК ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ И СВЯЗИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Новости образования: исследование в XXI веке, 1(9), 99-103.
14. Исаева, З. Т., & ЯЗЫКУ, С. EURASIAN JOURNAL OF ACADEMIC RESEARCH Innovative Academy Research Support Center. Volume, 3, 151-154.
15. Исаева, З. Т. (2023). ВАЖНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКОЛОГИИ КАК РАЗДЕЛА ЯЗЫКОЗНАНИЯ. O'ZBEKISTONDA FANLARARO INNOVATSIYALAR VA ILMIIY TADQIQOTLAR JURNALI, 2(19), 900-903.
16. Исаева, З. (2023). СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ. Евразийский журнал академических исследований, 3(5 Part 2), 151-154.
17. Исаева, З. Т. (2023). ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПАРАДИГМАТИКИ И СИНТАГМАТИКИ В КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Finland International Scientific Journal of Education. Social Science & Humanities, 11(4), 269-264.
18. Исаева, З. Т. (2023). ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. Scientific Impulse, 2(13), 442-448.
19. Веч, О., & Исаева, З. Т. (2017). К ВОПРОСУ ПЕРЕХОДА ОТ ВНУТРИСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ. Актуальные научные исследования в современном мире, (4-2), 41-44.